

Александр БАЛОД

КРУЗО В МОСКОВИИ: ШПИОНСКАЯ ИСТОРИЯ

Писатель сам выбирает, что рассказать, а что утаить.

Джеймс Н. Фрей.

Как написать гениальный роман

Идея романиста как шпиона... близка Дефо, чьи романы, как правило, написаны с точки зрения героев, которые всегда настороже, потому что у них есть что скрывать.

Джон Керриган.

«Гардиан», 8 марта 2008 г.

Разве не является осевым регионом в мировой политике этот обширный район Евро-Азии, недоступный судам, но доступный в древности кочевникам?.. Россия заменила Монгольскую империю.

Хэлфорд Джон Маккиндер.

Географическая ось истории

То, что Даниэль Дефо, создатель бессмертного образа Робинзона Крузо, был разведчиком и работал на британское правительство, является, пожалуй, наиболее известным фактом из жизни писателя. Не кто иной, как Аллен Даллес, глава ЦРУ США времен «холодной войны», писал, что основы английской разведки — лучшей секретной службы западного мира — были заложены именно Дефо, который был одновременно идеологом ее создания, организатором и лучшим агентом. «Железный Даниэль», гений литературы и ас шпионажа, наверно, лучший бренд для тайной службы англосаксов, который только можно придумать. Неудивительно, что эта его ипостась вновь и вновь привлекает внимание историков и литераторов, в первую очередь тех из них, кто работает в области авантюрного жанра.

Не смог остаться в стороне и популярный российский писатель Юлиан Семенов, создатель знаменитых «Семнадцати мгновений весны», который сделал Дефо главным героем своей исторической повести «Смерть Петра». Семенов знает о почтенном, «ветеранском возрасте» писателя и поэтому изображает его не действующим агентом,

---

Александр Балод родился в 1953 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Н. А. Вознесенского; занимался социологией и экономикой, работал в сфере науки, на фондовой бирже и в промышленности. Автор более трех десятков научных статей и книг социально-экономической тематики. В последние годы занимался историей и литературоведением. Публиковался в журналах «Нева» и «Новый мир», выпустил статьи о творчестве Виктора Пелевина. В 2017 году в издательстве «Вече» вышла его книга «Злоключения знаменитых путешественников. Кто был Робинзон?». Живет в Санкт-Петербурге.

а скорее консультантом спецслужб: «Уже много лет Даниель Дефо (задолго до того, как опубликовал свою, как он шутил, „безделицу“ о Робинзоне) по праву считался признанной звездой британской секретной службы. Поскольку в голове писателя рождались поразительные сюжеты книг, руководители внешнеполитического департамента никогда не обременяли его изучением проектов предстоящей работы; ему лишь излагали суть, обсуждали вероятия, ждали несколько месяцев, пока он писал, бражничал, увлекался очередной актрисой из труппы Королевского театра; затем, когда он приступал, внимательно следили за виртуозной работой своего любимца». На этот раз писателя привлекают для того, чтобы помочь решить проблемы, назревающие в отношениях с восточным исполином — державой Петра Великого. Диалог между главой английского адмиралтейства и Дефо выглядит вполне правдоподобно, если не обращать внимания на избыток штампов и ярких образов, характерных скорее для политического памфлета, а не доверительного разговора между старыми знакомцами. Глава адмиралтейства выражает опасения, что «медведь все-таки выйдет из берлоги» и угроза скифского вторжения в Европу станет вопросом не веков, но десятилетий. Осторожный Дефо, судя по всему, прекрасно знакомый с внутривластной обстановкой в России (что вполне соответствует действительности), напоминает собеседнику о том, что не все представители российской элиты поддерживают реформы государя. И предлагает «помочь тому, чтобы консервативная сила, стоящая в оппозиции императору, сделалась доминирующей в России», потому что «старорусская партия», придя к власти, будет проводить политику, направленную на изоляцию страны и максимально возможно сокращение общения российских подданных с «коварным, отвратительным, низким, гниющим Западом». Оба собеседника сходятся на том, что «если Петр продолжит свои реформы, величю Острова (Британии) будет нанесен урон; Россия может стать первой державой Европы... Петр слишком силен и мудр, чтобы мы и далее бездействовали». Перед Дефо поставлено задание — встретиться с русским послом Епифановым, обсудить с ним темы, интересующие британскую разведку, и, в частности, прощупать планы московской оппозиции. Задача более чем непростая, учитывая тот факт, что посол «умен, осторожен и разговорить его можно лишь в тех сферах, которые существуют для того, чтобы скрыть сердцевину проблемы». «Умный и осторожный» посол, судя по всему, — фигура вымышленная (возможно, речь идет о мелком русском чиновнике), поскольку дипломатические отношения между Россией и Англией на тот момент были прерваны: английский представитель отозван из России, а русский резидент выслан из Лондона. Лишь после восшествия на престол Екатерины I в Петербург был направлен резидент, впрочем, вскоре снова выставленный из России (как мы видим, дипломатические отношения между двумя великими державами уже тогда складывались очень и очень непросто). Только в царствование Анны Иоанновны англо-русские отношения были восстановлены в полном объеме, и в 1731 году русским резидентом при английском дворе был назначен будущий знаменитый поэт, гвардии поручик князь Антиох Кантемир. Какие же советы дал сановникам Дефо и что за планы зрели в головах у коварных бриттов? Семенов ограничивается лишь намеками, предлагая делать выводы самому читателю: «Петр не успел написать завещания (или ему не позволили это сделать). Кому же было выгодно представить великого преобразователя в глазах Европы захватчиком и коварным агрессором? Где самый текст этого „завещания“? Где и при каких условиях пущен в обращение? Эти вопросы открыты и ждут своего исследователя. А то, что со смертью Петра в России началась дестабилизация, выгодная биржам Лондона и Амстердама в такой же мере, как причалам Гамбурга и владыкам Поднебесной, сомневаться не приходится, и нестабильность эта длилась по ту пору, пока гвардия, спустя пятнадцать лет после трагедии, случившейся в январе 1725 года, не привела на трон дочь Петра, тридцати-

летнюю Елисафет»¹. Образ великого писателя на страницах повести Юлиана Семенова — чистой воды вымысел, такой же, как и знаменитый персонаж писателя, полковник Максим Максимович Исаев, он же штандартенфюрер СС Макс Отто фон Штирлиц. Создатель Робинзона наделен всеми чертами суперагента, своего рода интеллектуального двойника Джеймса Бонда, со всеми атрибутами образа жизни, который полагается вести человеку такого калибра — активной светской жизнью, романами с актрисами и увлечением скачками (скачки Дефо и правда любил). Реальный же автор «Робинзона Крузо» совершенно не походил на классический образ героя-любownika, не говоря уже о том, что был человеком преклонного возраста, перенес инсульт и пребывал в постоянном страхе преследования со стороны вездесущих кредиторов (в числе которых какое-то время числилась и его собственная теща). Да и сама идея вмешательства «коварного Альбиона» в вопросы российского престолонаследия (в которой угадываются очень знакомые современные мотивы) навеяна, скорее всего, событиями более позднего времени — заговором против Павла, в котором принимал активное участие английский резидент Уитворт.

Сочетание литературной деятельности со шпионажем — явление, нередкое для британских интеллектуалов. Агентами секретных служб были знаменитый драматург Кристофер Марло, «певец британского империализма» Редьярд Киплинг, переводчик «Камасутры» сэр Ричард Бартон, знаменитые писатели Уильям Сомерсет Моэм и Грэм Грин и, не в последнюю очередь, Ян Флеминг, автор серии романов о похождениях Джеймса Бонда. Работа на правительство империи была престижна, она приносила стабильные денежные доходы и давала возможность совершать за казенный счет поездки в далекие экзотические страны; полученный же опыт и жизненные впечатления можно было в дальнейшем, в прямой или иносказательной форме, использовать в литературном творчестве.

Может быть, в книгах Дефо, в том же «Робинзоне Крузо», также можно найти отголоски службы писателя в качестве тайного агента? Известно, что Дефо неоднократно исполнял секретные поручения властей, самым знаменитым из которых была поездка в Шотландию с целью подготовки унии двух держав, являвшихся в то время независимыми государствами. Далеко не все шотландцы были в восторге от предстоящего «единения» двух братских наций, опасаясь превращения своей родины если не в колонию, то в глухое захолустье Англии; один из очевидцев событий впоследствии писал, что Дефо был «шпион среди нас, но об этом было неизвестно, иначе эдинбургская толпа разорвала бы его на куски».

Почему бы не предположить, что приключения героев писателя, и в частности неподражаемого Робинзона Крузо, были связаны с осуществлением тайных планов английской короны? В конце концов, Крузо был моряком и торговцем, а всем любителям приключенческого жанра прекрасно известно, что пресловутые экспортно-импортные операции часто служат не чем иным, как прикрытием деятельности спецслужб. В самом факте работы бывшего отшельника на правительство нет ничего удивительного: Крузо, хотя он и не любил подолгу задерживаться на родине, всегда подчеркивал, что он английский патриот. Не требуется большого воображения для того, чтобы прийти к выводу: работа на внешнюю разведку — наилучшее поприще деятельности для энергичного патриота, имеющего склонность к странствиям и приключениям.

В предисловии к третьей части эпопеи — «Серьезным размышлениям Робинзона Крузо» (книге, не переведенной на русский язык) — Крузо говорит о том, что роман представляет собой аллегорию его жизни. Может быть, одиночество героя на острове — тоже своего рода иносказание, аллегория нелегкой участи агента, который дол-

¹ Ю. Семенов. Смерть Петра. Букуриани. 1982.

гие годы был вынужден скрывать свое второе, главное амплу от общества, коллег по цеху и родной семье под маской купца и журналиста? Что же, такая версия тоже имеет право на существование, сколь бы невероятной она ни казалась. Но пребывание Крузо на острове, пусть и затянувшееся на долгие 28 лет, в целом остается лишь одним, пусть «удивительным и необыкновенным» эпизодом его долгой жизни. Во второй части романа, «Дальнейших приключениях Крузо», герой Дефо отправляется на Восток. Именно это направление экспансии было на тот момент наиболее важным для английской короны, и почему бы не предположить, что вояж Крузо имел характер секретной миссии? Сам Робинзон пишет о том, что у него не было «никаких явных причин» отправляться в очередное путешествие. А что если истинные причины были скрытыми и тайными?

Если так, что экспортно-импортная торговля героя Дефо была не чем иным, как прикрытием, способом самофинансирования и предлогом для знакомства с нужными людьми. На Мадагаскаре Крузо вступил в конфликт с командой судна после того, как моряки учинили кровавую резню в одной из мальгашских деревень, и был высажен на берег в первом же индийском порту. Быть может, остановка в Бенгале была всего лишь прикрытием, «легендой» разведчика, дававшей ему повод изменить маршрут? В любом случае что мешало Крузо, продав товар, который ему оставили, отправиться обратно на родину кратчайшим морским путем, раз уж вояж не задался? Сам Крузо объясняет это нелюбовью к британской Ост-Индской компании, что выглядит достаточно наивно (в конце концов, речь шла не о чувствах, а лишь о месте в каюте корабля). Друг-англичанин, которого он встретил в Индии и с которым в дальнейшем вел совместный бизнес, был, по-видимому, связным или, возможно, резидентом местной разведки. Первым заданием, полученным Крузо, была, по-видимому, оценка перспектив расширения английской торговли в Юго-Восточной Азии, в частности — поставка индийского опиума в Китай, на что англичане возлагали большие надежды (вспомним, что полтора столетия спустя запрет Китаем импорта опиума даже привел к началу так называемых «опиумных войн»). Скорее всего, Робинзон был наделен широкими полномочиями и мог самостоятельно определять в рамках более общих инструкций центра текущие задачи и способы их решения. Описанная на страницах книги стычка с голландцами тоже не была случайностью (напомним, что голландские купцы якобы приняли Крузо за пирата и напали на его судно в устье реки Камбоджа). Голландцы были торговыми соперниками англичан в Юго-Восточной Азии и, узнав через своих осведомителей о секретном задании Робинзона, вероятно, предприняли попытку взять в плен или уничтожить опасного вражеского агента.

Еще одной задачей, поставленной перед Робинзоном, была оценка политической, экономической и военной ситуации в Китае (не случайно именно в этой части книги содержится много геополитических рассуждений). Приходится признать, что Робинзон в данном случае выступал в качестве «ястреба»: видя военную слабость Китая, он опасался, что другие европейские державы или Россия могут захватить его, что нанесет значительный ущерб британским интересам. «Все вооруженные силы китайской империи, хотя бы даже они собрались на поле сражения в числе двух миллионов человек, были бы способны только опустошить страну и погибнуть с голоду. Они не могли бы взять самой маленькой фламандской крепости или померяться с дисциплинированной армией... Миллион китайской пехоты не мог бы справиться с одним нашим регулярным пехотным полком, занявшим позицию, которую невозможно окружить; больше того, скажу без хвастовства, что 30 000 немецких или английских пехотинцев и 10 000 французских кавалеристов наголову разбили бы всю китайскую армию», — пишет с преувеличенным пафосом Робинзон. Ознакомившись со страной более основательно, гордый бритт так и не поменял свое мнение и заявил, что «по

возвращении домой мне было странно слышать, как у нас превозносят могущество, богатство, славу, пышность и торговлю китайцев, ибо, по моим собственным наблюдениям, китайцы показались мне презренной толпой или скопищем невежественных грязных рабов, подвластных достойному их правительству». Возможно, он рекомендовал руководству, если оно решит, что сил для прямого вторжения недостаточно, оказывать на китайцев политическое давление с целью добиться торговых преференций для подданных короны. Задача эта, впрочем, еще почти полтора столетия казалась невыполнимой. В 1792 году шотландский вельможа Маккартни прибыл ко двору китайского императора Цяньлуна с целью получить привилегии для британских купцов и учредить представительство Британии в китайской столице; среди прочего, в задачи посла входил и сбор информации разведывательного характера. Миссия закончилась полной неудачей: китайцы приняли графа как посла далекого и незначительного «варварского» государства, а привезенные им подарки объявили данью богдыхану. В ответе императора королю Англии, получившем широкую известность, содержались, в частности, такие слова: «В нашей империи в изобилии производятся всякие продукты, и мы вовсе не нуждаемся в продуктах из других стран... Наш постоянный принцип — относиться ко всем одинаково, без всякого пристрастия. Англичане не одни торгуют в Кантоне, если бы все остальные теперь по вашему примеру стали просить о том же, мог ли бы я дать каждому удовлетворительный ответ?»

Во время путешествия по стране Крузо познакомился с португальским лоцманом и завербовал его. Португалец устроил им «знакомство» с тремя миссионерами, католическими священниками, которые какое-то время проживали в этом городе и занимались там обращением людей в христианство. «Одним из них был француз, которого звали отец Симон; другой был португалец, а третий генуэзец, — пишет Крузо. — Отец Симон был учтивым, и очень приятным в обращении; но два другие были более сдержанны, и казались более жесткими и суровыми, и относились очень серьезно к работе, которой занимались, а именно: говорить и втираться к доверие к туземцам, когда появлялась такая возможность». По мнению Крузо, результаты деятельности миссионеров были ничтожными, хотя он и отдавал должное их мужеству: «Мы часто ели и пили с ними; и я должен признаться, что обращение, как они это называют, китайцев в христианство далеко от истинного обращения, которое необходимо для принятия язычников к вере Христовой... однако надо признать, что святоши, которых мы называем миссионеров, твердо убеждены, что эти люди будут спасены, и что они являются орудиями этого; и что ради того, чтобы сделать свою работу, они преодолевают не только тяжесть путешествий и опасность жизни в отдаленных местностях, но часто и самую смерть, и жестокие пытки». Общение британцев с иезуитами, в частности с «любезным и общительным» отцом Симоном, не случайно. Переходить в католичество он не собирался, иезуиты были важны для него как ценный источник информации. Известно было, что сам император благоволил к иезуитам. Посланнику Петра Измайлову он говорил: «Я их держу не чиновными людьми, они живут в государстве моем более двухсот лет и никакого другого дела не имеют, кроме религиозного, в чем я им не препятствую; притом это люди ученые и много людей в моем государстве научили разным наукам, и сам я у них математике и астрономии выучился»². Судя по рассказу русского посланника, иезуиты охотно откликались на просьбы представителей различных европейских держав о помощи и сотрудничестве: «Измайлов объявил иезуитам, что если они будут радеть императорскому величеству, то государь отблагодарит за это их общество: позволено им будет посылать письма через Сибирь посредством русских людей и другие многие вольности получают. Иезуиты

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том 18. Глава первая. Царствование императора Петра Великого.

объявили готовность служить посланнику»³. Диалог между Крузо и отцом Симоном, обычно опускаемый в русских переводах романа, хотя и посвящен высоким теологическим материям, показывает, насколько непринужденные и доверительные отношения завязались между французом и англичанином. Отец Симон, направлявшийся в Пекин, взял англичан с собою, что, собственно, и входило в планы Крузо.

Обратим внимание и на еще один эпизод романа. Крузо надо было избавиться от корабля, который находился на подозрении у голландцев, и в этот момент объявился японский купец, который был готов приобрести судно, хотя не имел достаточно средств. Японец предложил свой план: отправиться на корабле на Филиппины, где он планировал провести торговые операции, а потом на его родину, где он и произведет окончательный расчет. Крузо пишет, что склонялся к тому, чтобы принять это предложение, хотя партнер уговаривал его отказаться, указывая на опасности, исходящие от японцев, которые «являются лживыми, жестокими и коварными людьми», и еще более коварных и жестоких испанцев, живущих на Филиппинах (в российских переводах романа эти строки, звучащие не слишком политкорректно, обычно опускаются). Перед Крузо и его командой стояло более важное задание, но и возможность исследовать загадочную Японию тоже не стоило упускать. Как мы помним, в Бенгале Крузо остался на берегу в сопровождении слуги (возможно, охранника) и молодого человека, который назван «помощником судового агента» — сотрудника Крузо, судя по всему, стажера. Именно его и отправил Крузо в эту поездку, и, похоже, не прогадал. Как пишет Робинзон, молодой человек обещал, что если он вернется в Англию и застанет там Крузо, то «предоставит ему полный отчет о своих успехах, которые будут в такой же степени мои, как и его». Что же, он не ошибся в «интерне»: совершив путешествие через половину света, побывав в Японии, на Филиппинах и в Мексике, тот через восемь лет вернулся обратно в Англию, при этом заработав немалые деньги. Нет оснований сомневаться, что отчет, о котором он говорил Крузо, стал ценным источником информации о Востоке для английской разведки.

Следующее задание Робинзона было связано с Россией. На этот раз ему предстояло не только собирать информацию и налаживать связи, но и предпринимать активные действия. Мы помним, что в Пекине Крузо присоединился к каравану, идущему в Московию, в составе которого были пятеро шотландцев. Один из них, «бравый шотландец», и был, скорее всего, связным Крузо, который ввел его в курс ситуации в России и доставил новые инструкции. Связь с центром в ту эпоху, впрочем, была крайне затруднена, и агентам приходилось обычно действовать на свой страх и риск и самостоятельно решать, что хорошо для отчизны и дурно для ее врагов. Отношения между Россией и Англией всегда были непростыми, хотя периоды холодной и горячей войны сменялись периодически тем, что в наше время принято называть «деэскалацией». Каково же было их состояние в тот момент, когда Робинзон пересек российско-китайскую границу? Учитывая определенную вольность обращения писателя с хронологией, понять, какой именно период и какую политическую ситуацию описывал Дефо — имевшую место быть в период поездки Робинзона (начало XVIII века) или непосредственно предшествовавшую времени написания книги (1718—1719), не так просто. В 1698 году молодой император Петр I, он же бомбардир Петр Михайлов, посетил Англию в составе знаменитого «Великого посольства» и встретился с английским королем Вильгельмом III. Для почетного гостя были устроены маневры и показательные сражения на море, и Петр, в восторге от увиденного, произнес слова о том, что «если бы я не был русским царем, то желал бы быть английским адмиралом». Позднее, уже в начале Северной войны, Вильгельм предлагал свое по-

³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том 18. Глава первая. Царствование императора Петра Великого.

средничество в урегулировании отношений России и Швеции; Петр был готов принять его, но надменный Карл после победы под Нарвой не воспринимал царя Московии как «равновеликого партнера». Между тем русский посол в Гааге А. А. Матвеев в 1701 году сообщал, что Англия желает продолжения войны между Россией и Швецией и что король Вильгельм «во всем приятель добрый и надежный Шведу»⁴. В 1703 году в Москву прибыл де Блюз — посланник Людовика XIV, который хотел привлечь набирающую силу державу на свою сторону; чтобы сорвать планы противника, уже в следующем году в Россию был отправлен чрезвычайный посланник королевы Чарльз Витворт. Витворт, опытный дипломат, поначалу сомневался в том, что Россия в состоянии создать военный флот на Балтике, однако ближе ознакомившись с масштабами деятельности Петра, быстро изменил свое мнение. В письме правительству он писал: «Если, однако, интересы Англии требуют удаления русских от Балтийского моря, необходимо обдумать каким путем удобнее и благовиднее достигнуть такого результата... Хотя царь и готов дать ее величеству положительное уверение в том, что никогда не заведет флота на Балтийских водах, соблазн нарушить слово будет слишком велик для него, когда он вступит в спокойное обладание берегами»⁵. В письме от 28 сентября 1708 года он давал подробную характеристику состояния русской армии и указывал на слабые места в системе русской обороны; он полагал, что самую чувствительную для русских диверсию шведы могут произвести нападением на Ингрию и Петербург. К донесению Витворт приложил список полков и перечень кораблей русского флота в Балтике (судя по всему, разведотдел английского посольства зарабатывал свой хлеб в поте лица)⁶.

В 1707 году царь отправил голландского посланника А. Матвеева с дипломатической миссией в Лондон. Матвеев имел беседу с фактическим премьер-министром страны и начальником Дефо по секретной линии Харли и передал ему записку, в которой выражалась готовность Петра вступить в союз с Англией и предложение правительству ее величества принять на себя посредничество в примирении России со Швецией. Матвеев имел аудиенцию у самой королевы, но переговоры шли вяло; судя по всему, британцы просто тянули время. Среди прочего, они боялись, что в случае заключения мира Карл XII начнет оказывать поддержку своему союзнику и врагу Англии Людовику XIV. «Являются ли эти обстоятельства доводами в пользу принуждения Карла XII к миру, или же они скорее говорят в пользу того, чтобы оставить его продолжать эту войну и углубляться в отдаленные пустыри, где он не может причинить вреда союзникам?» (то есть Англии и Голландии), — задавал риторический вопрос Витворт Харли в своем письме⁷.

Матвеев говорил о войне и мире, английские министры — о коммерции и заключении торгового договора. Раздосадованный посол даже предлагал оказать давление на британских купцов в России, которых предполагалось использовать в качестве «московского лобби». Но все было бесполезно, дальше пустых обещаний дело не шло. «Здесь министерство в тонкостях и пронырствах субтельнее самих французов, от слов гладких и бесплодных проходит одна трата времени для нас», — писал со смесью злобы и восхищения Матвеев. «Тайным образом Матвеев проведал о внушениях прусского и ганноверского дворов, что всем государям Европы надобно опасаться усиления державы Московской; если Москва вступит в великий союз, вмешается в европейские дела, навьикнет воинскому искусству и сотрет шведа, который один заслоняет от нее Европу, то нельзя будет ничем помешать ее дальнейшему распространению

⁴ Л. А. Никифоров. Русско-английские отношения при Петре I. С. 25.

⁵ Там же. С. 42.

⁶ Александр Широкопад. Англия. Ни войны, ни мира. Вече, 2009. С. 24.

⁷ Л. А. Никифоров. Русско-английские отношения при Петре I. С. 46.

в Европе. Для предотвращения этого союзникам надобно удерживать царя вне Европы, не принимать его в союз, мешать ему в обучении войска и в настоящей войне между Швециею и Москвою помогать первой. Англия, цесарь и Голландия подчинились этому внушению и определили не принимать царя в союз, а проводить его учтивыми словами», — пишет С. М. Соловьев⁸. Не хочется повторять дежурных фраз о русофобии, присущей нашим западным партнерам, но факты — упрямая вещь. История имеет свойство повторяться, и если она ничему не учит людей, то вина в этом лежит на них самих, а отнюдь не на мудрой Клио.

Чтение архивных документов создает иллюзию того, что речь идет о сегодняшнем дне и ленте свежих новостей. Увидев, что дальше пустых обещаний дело не идет, Матвеев предлагал, «что всего лучше, не тратя времени, прекратить учтивым образом дело и отозвать его из Англии; ждать нечего: здесь думают, что неудовольствие со стороны царя не грозит никакою опасностью». Летом 1709 года, перед самым отъездом в Россию, произошел неприятный инцидент с самим послом, которого избили и даже поместили в долговую тюрьму. Позднее власти объяснили этот случай произволом частных лиц, но, возможно, он являлся сознательной провокацией. Сам Матвеев был уверен, что она произошла по наущению шведского посланника, и предлагал дать «симметричный ответ»: не выпускать из России посланника Витворта до тех пор, пока английское правительство не принесет извинения; он уезжал из Англии, от этого «христоненавистного народа и канальского злочестия исполненного» глубоко обиженный, и даже отказался принять подарок королевы. Дефо подробно рассказывает об этом случае в своей «Беспристрастной истории Петра Алексеевича» и даже цитирует слова Петра о том, что хотя Британия «за оскудением прежних прав государственных учинить» преступников, которые нанесли оскорбление его представителю, «по обычаю всего света наижесточайше наказать» не смогла, все-таки, учитывая принесенные королевой извинения и выводы на будущее, «то дело к окончанию привести».

После победы русских под Полтавой политическая ситуация в Европе началась меняться, и в начале 1710 года в Москву снова приехал Витворт с извинениями от королевы за оскорбление, нанесенное российскому посланнику. Русская дипломатия между тем постепенно приобретала столь необходимый ей опыт ведения международных дел. Витворт толковал о дружбе и союзе, а новый русский посланник в Лондоне князь Куракин писал, что «английский двор один из первых противников русским интересам». Началась новая, русско-турецкая война, которая складывалась для России крайне неудачно. Уже в 1711 году был заключен мир на невыгодных для русских условиях, но и это вызвало недовольство британского двора, которому было выгодно продолжение войны; Куракин сообщал домой, что «Англия дала указ своему министру при Порте трудиться в интерес швецкой и учиненный мир разрушить»⁹. Отношения двух стран становились все более враждебными, при этом торговый оборот между ними продолжал неуклонно расти (лишний повод задуматься над тем, какой из двух факторов является более важным — политика или экономика). Отметим, что значительная его часть по-прежнему шла через Архангельск — порт, откуда Робинзон планировал отбыть на родину (почти 130 иностранных кораблей входило в течение года в гавань Архангельска; впрочем, в 1721 году их число упало до 50, в то время как в Петербург пришло 119 судов)¹⁰.

Оставалась надежда на то, что приход новой, ганноверской династии принесет долгожданный «прорыв» в отношениях двух держав (да здравствует Трамп?). Но на

⁸ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том 15. Глава четвертая. Продолжение царствования Петра I Алексеевича.

⁹ Л. А. Никифоров. Русско-английские отношения при Петре I. С. 89.

¹⁰ И. М. Кулишер. История русской торговли до девятнадцатого века включительно. СПб.: Атений, 1923.

дежды эти, как и надежды на Трампа, не оправдались, и «медовый период» в отношениях двух стран длился недолго. Новый король Георг во внешней политике во многом руководствовался интересами родного Ганновера, мечтая о присоединении к нему Бремена и близлежащих земель, а неутомимый Петр затеял новую игру, активно вмешиваясь в германские дела. По словам историка Чэнса, в 1716–1717 годах «в Англии ревность к могуществу Петра I быстро возрастала, так как русское владычество на Балтике угрожало стать для британской торговли хуже, чем было до этого шведское»¹¹. Не добавлял теплоты в отношения и тот факт, что Петр в ответ на интриги коварного Альбиона начал оказывать поддержку якобитам, сторонникам претендента на британский престол Якова Стюарта.

Британские политики выступали с шумными речами в парламенте, вели пропагандистскую войну, вводили санкции (ну как же без этого!), подкупали противников Петра и даже пытались сформировать коалицию для внешнеполитической изоляции России. Российская сторона тоже не сидела без дела; среди прочего, принимались меры для того, чтобы повлиять на общественное мнение Англии, пропагандируя идею о том, что действия короля Георга как ганноверского сюзерена противоречат интересам британской короны (пресловутый «конфликт интересов»). В апреле 1719 года английский резидент Джеффрис писал в Лондон, что «проживи еще царь года три — у него будет флот в сорок кораблей от семидесяти до девяносто пушек каждый, да двадцать тридцатисорока-пушечных фрегатов, построенных здесь... Предоставлю вам судить, входит ли в интересы Великобритании быть зрительницей возрастающего могущества России, особенно на море. Скажу, что давно пора отозвать этих мастеров с царской службы»¹². Следствием реляции Джеффриса явился королевский указ, предлагавший британским подданным, находящимся на русской службе, немедленно вернуться на родину; как и следовало ожидать, он вызвал новый виток напряженности между странами. В качестве ответной меры Петр запретил английскому купцу Ходкинсу с двумя товарищами выезд из России, а вице-канцлер Шафиров заявил, что царь задержит и остальных английских купцов. Англичане не остались внакладе: все тот же неугомонный Джеффрис предложил с целью сорвать проходившие на Аландских островах мирные переговоры России и Швеции, послать фрегат под русским флагом, который должен был захватить шведских уполномоченных и увезти их с конгресса (справедливости ради следует признать, что это смелое предложение все-таки не было принято). В июне 1719 года в Балтийское море в очередной раз прибыла английская эскадра адмирала Норриса; до сражений между флотами дело не дошло, но ситуация была, что называется, на грани военного конфликта (и снова нельзя не удержаться от параллелей с текущей политикой).

К тому времени, когда писался роман, исход Северной войны был уже очевиден. В момент путешествия Крузо по России она была еще в самом разгаре, и вероятным победителем казался скорее шведский король, чем русский царь. Стоит вспомнить слова Крузо: «И если бы царь, могущество которого по слухам все возрастает и начинает достигать грозных размеров, направил свои армии в эту сторону вместо того, чтобы атаковать воинственных шведов, в чем ни одна из европейских держав не стала бы завидовать или препятствовать ему, то он сделался бы уже за это время императором китайским и не был бы бит под Нарвой королем шведским, силы которого в шесть раз уступали русским войскам». Суждение Робинзона о том, «что никакая из европейских держав не будет завидовать или мешать» воевать Петру со шведами, является справедливым только наполовину. Мы помним, с каким трудом Петру удава-

¹¹ George I and the Northern War by J. F. Chance. P. 185.

¹² Александр Широкопад. Англия. Ни войны, ни мира. Вече, 2009. С. 40.

лось находить союзников. Северный союз, который первоначально объявил войну шведам, быстро распался, и до победы под Полтавой русским приходилось вести войну практически в одиночку. Европейцы, в том числе и британцы, боялись военного могущества Швеции, армию которой возглавлял талантливый полководец Карл XII, но вторжение новой могучей державы в лице России в «европейский концерт» пугало их еще больше. Каковы же были цели английской политики? Тактически они менялись, но главной стратегической целью британской короны было не допустить гегемонии в Европе державы, которая могла бы устанавливать свои правила игры и угрожать Британии и ее торговым интересам. Вступать в прямое военное столкновение с Россией британцы не хотели и поэтому начали войну иными средствами — дипломатическими¹³. Одним из вариантов этой войны был именно тот, который предложил наш герой: переориентация интересов русских с европейских дел на азиатские, обустройство восточных провинций империи или завоевание новых территорий на Дальнем Востоке. Казалось бы, включение Срединной империи в состав России противоречило интересам европейцев, стремившихся наладить с древним «колоссом на глиняных ногах» торговые отношения. Но несмотря на все пренебрежение к мощи Китая, в глубине души Робинзон не мог не понимать, что попытка царя завоевать Китай бесперспективна просто в силу громадности расстояний, населенности страны и особенностей климата, не говоря уже о том, что появление там москвитов давало европейцам лишний повод для вмешательства в политику Поднебесной.

Существовал и запасной вариант: если Россия, занятая делами на Западе, не собирается вторгаться в Китай, то, может быть, сам Китай способен оказать давление на северного соседа, действуя если и не европейским качеством, то азиатским количеством? Впрочем, этот вариант, если Робинзон обсуждал его с отцом Симоном, был наверняка признан неосуществимым. Династия Мин не отличалась воинственностью, и особенностью ее политики была не экспансия, а изоляционизм, сохранение самобытности и культурных традиций вкупе с поддержанием иллюзий о былом величии державы. Послу царя Измайлову богдыхан заявил: «Из-за чего нам ссориться? Россия — государство холодное и дальнее: если б я послал свои войска, то все померзли бы, и хотя бы чем-нибудь и завладели, то какая в том прибыль? А наша сторона жаркая, и если императорское величество пошлет против меня свои войска, то могут напрасно помереть, потому что к жару непривычны, и хотя бы и завладели чем-нибудь — невеликая прибыль, потому что в обоих государствах земли множество»¹⁴.

Существовал и другой план, выглядевший наиболее перспективно. Один из наиболее ярких эпизодов «Дальнейших приключений» — сцена поругания сибирского идола, в котором участвовали Робинзон и два его товарища-шотландца. Поступок этот, в общем-то, не характерен для выдержанного и миролюбивого Робинзона, который стоял на позициях религиозной терпимости и допускал полную «свободу совести» на своем острове в устье Ориноко. Чем сибирские идолопоклонники были хуже карибских людоедов, относительно которых Робинзон пришел к выводу, что ему «нет никакой надобности вмешиваться в их дела, пока они не трогают меня»? Дикари, поклоняющиеся «великому Чам-Чи-Тонгу», ничем, кроме эстетики своих обрядов, не обидели Крузо, не говоря уже о том, что не приносили человеческих жертв, а святотатство по отношению к идолу могло навлечь беду на весь караван. Причина неожиданного «акта религиозной нетерпимости» Крузо была проста — что называется, «ничего личного, только бизнес». Робинзон и его поделельники под покровом темноты свя-

¹³ Л. А. Никифоров. Русско-английские отношения при Петре I. С. 163.

¹⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том 18. Глава первая. Царствование императора Петра Великого.

зали жрецов и сожгли идола, после чего как ни в чем не бывало вернулись на место стоянки каравана. И уже «на другой день толпа народа собралась у городских ворот, требуя удовлетворения от русского губернатора за оскорбление их жрецов и сожжение великого Чам-Чи-Тонгу (Cham Chi-Thaungu) — так звался их чудовищный идол».

Может быть, появление толпы разгневанных язычников и было целью устроенного спектакля, а действия Робинзона — чем-то вроде «разведки» боем, направленной на проверку могущества «белого царя»? Границы между двумя империями в тот период не были окончательно установлены, и как обнаружил Робинзон, на окраине России жили языческие племена, исповедующие собственные культы, живущие по своим обычаям и только номинально подчиняющиеся центральной власти. Раз так, почему бы не половить рыбку в мутной воде? Власть Москвы, как пишет сам Робинзон, в этих районах держалась исключительно на немногочисленных гарнизонах, расположенных в городках и острогах, и спровоцировать «межконфессиональный» конфликт было легко. И пусть из искры, зажженной Робинзоном, и не разгорится пламя большого бунта, наподобие разинского, может быть, она ляжет в основу создания новой технологии своего рода «таежных» или «языческих» революций, которые смогут подорвать и без того непрочную власть далеких московитов?

Отметим, что реальных поводов для конфликтов русских с местным населением было и без проделок Робинзона более чем достаточно. Основную лепту вносили царские воеводы, которые вдалеке от бдительного ока метрополии вели себя зачастую подобно персидским сатрапам и вместо того, чтобы заботиться о благе государства, набивали собственный карман — присваивали налоги, занимались бизнесом — торговлей и самогонварением и, разумеется, брали взятки с торговых людей и местного населения, «чиня им великие обиды». Оттого, как писал Соловьев, «многие служилые люди по зимовьям побиты, а другие от воеводских притеснений изменили и в Китайское государство отъехали, и мунгалы-изменники, мстя за обиды свои, многих служилых и ясачных людей грабят и побивают»¹⁵. В Нерчинске, в том самом месте, где бился за веру Робинзон, за два десятка лет до того «на приказного человека Шульгина поднялись не туземцы, но русские служилые люди: Шульгин за взятки выпускал бурятских аманатов, которые потом изменяли, уходили в Монголию; но жен аманатских не выпускал: они были ему надобны; подучал одних бурят отгонять табуны у других и делился добычею с хищниками; скупал хлеб, курил из него вино, варил пиво, продавал, а другим есть было нечего по дороговизне хлеба, питались травой и кореньями; бил служилых людей кнутом и батогами, велел брать в руку батогов по пяти и по шести». Волнения местных племен, бурят и тунгусов, были тем более опасны, что они происходили на пограничной территории и нарушители могли, спасаясь от наказания, перебежать, в зависимости от ситуации на китайскую или, наоборот, российскую сторону.

Следующей остановкой Робинзона был город Тобольск, столица Сибири. «Через своего спутника, шотландского купца, с которым я здесь расстался, я познакомился с несколькими аристократами и не без приятности проводил с ними долгие зимние вечера», — пишет Робинзон. Как видим, и здесь не обошлось без неперемennого шотландца, коллеги Крузо. Как мы помним, Робинзон пробыл в Тобольске больше восьми месяцев. Загадочное «тобольское сидение» отставшего от каравана англичанина и его общение с опальными вельможами выглядят более чем странным. Может быть, оно имело какие-то иные цели, чем наслаждение роскошью простой жизни и умные разговоры с князьями? («Я прожил в Тобольске восемь месяцев» — пишет Робин-

¹⁵ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том 14. Глава третья. Окончание двоевластия. Царствование Петра I Алексеевича.

зон.) Проще всего объяснить это тем, что дока Крузо осуществлял сбор информации о личности царя, его окружении, русской армии и флоте и прочих вещах, которые входят в круг интересов любого уважающего себя секретного агента. Его друг и собеседник, бывший царский министр, вне всяких сомнений, знал всю подноготную русского двора и наверняка мог сообщить много любопытного. Тем более что свободно-го времени у обоих было в избытке, а сама обстановка располагала к откровенности. Познакомившись с князем ближе, Крузо наверняка пришел к выводу, что объект разработки представляет для Британии ценность не только как источник информации, но и как лицо, обладающее обширными связями, и может быть использован в качестве консультанта или даже главы «восточного сектора» английской разведки, — отсюда и предложение Робинзона помочь в организации бегства. Отказ русского вельможи, который к тому времени прекрасно понял, насколько непросто его «соблазнитель» Робинзон и что кроется за его предложением, также становится более понятным.

Дефо так и не называет фамилию таинственного князя, с которым вел долгие беседы в Тобольске. То, что это был именно Василий Голицын, не более чем гипотеза; хотя автор и упоминает, что в Тобольске в то время находилось несколько важных ссыльных, и упоминает про «знаменитого князя Голицына» (Prince Galitzin) и некоего полумифического German Robostiski, который в русских переводах обычно именуется «старый воевода Робостиский», нигде не утверждается, что конфидентом Крузо князем *** был именно Василий Голицын. М. П. Алексеев в статье «Сибирь в романе Дефо» (1923) высказал предположение, что речь идет о Головкине, фамилия которого во французских переводах «Робинзона» якобы была переименована в Голицына; А. А. Франковский, редактор одного из ранних советских изданий романа, был, напротив, убежден, что речь идет именно о Голицыне, и эта версия в настоящее время является практически общепризнанной. Представитель знаменитого рода Голицыных князь Василий был человеком, хорошо известным не только в России, но и в Европе, однако между реальным историческим лицом, фаворитом царевны Софьи, и героем романа Дефо князем *** есть существенные различия. Голицын действительно был западником и оказывал покровительство иностранцам. Некий французский иезуит, посетивший Москву с целью получить разрешение на поездку в Китай через сибирские провинции России, так отзывался о нем: «Этот первый министр, происходивший из знаменитого рода Ягеллонов, без сомнения, был самый достойный и просвещенный вельможа при дворе московском: он любил иностранцев, и особенно французов, потому что благородные наклонности, которые он в них заметил, совпадали с его собственными; вот почему его упрекали, что у него и сердце такое же французское, как и имя. Если б дело зависело от него одного, то, разумеется, все наши желания были бы исполнены».

После падения Софьи Василий Голицын был отправлен в изгнание, и, несмотря на все старания двоюродного брата Бориса, любимца Петра, тяжелую судьбу узника так и не удалось изменить сколь-нибудь значительно. Место его ссылки несколько раз менялось, и наконец князь с семьей был размещен в деревне Кологоры на берегу реки Пинега, в 200 километрах от Архангельска, где ему и предстояло провести остаток своих дней. Князь несколько раз посылал челобитные царю, но Петр так и не изменил своего решения, хотя и разрешил оказывать помощь узнику.

Положение князя было существенно иным, чем это описано Дефо. Он назван бывшим царским министром; он им и был, однако не «царским», а, скорее, «царевниным», потому что его сюзереном был не сам Петр, а его сестра и соперница в борьбе за престол царевна Софья. Все поместья князя были конфискованы (в указе об опале и ссылке Голицыных 1689 года было сказано: «А поместья их и вотчины, и дворы, и животы

отписать и роздать в роздачи»); шансы, что царь вернет опасного врага ко двору и предоставит ему важный пост, были равны нулю, и Василий Голицын не мог не понимать, что надеяться на большее, чем смягчение режима содержания, рассчитывать он не мог. Известность Голицына в Европе, его либеральные взгляды и западничество, стремительный взлет и внезапная опала, по-видимому, и стали причиной того, что его стали считать прототипом героя романа Дефо.

Отметим и еще одно обстоятельство. Даже если и предположить, что Дефо не знал о том, что реальный Василий Голицын находился в ссылке под Архангельском, или сознательно закрывал на это глаза, остается только удивляться, почему долгое общение князя *** с таинственным иностранцем не вызвало повышенного внимания местных властей, в обязанность которых входил надзор за ссыльными.

Попробуем предложить еще одну, на первый взгляд парадоксальную гипотезу. Что если собеседником Крузо был не опальный вельможа, а лицо, облеченное властью, царский воевода или даже губернатор, с которым его познакомил все тот же шотландский друг? Очевидно, что сановник, состоящий на службе именно сейчас, а не когда-то в прошлом, был намного более ценным контактом для разведчика.

Кто же мог быть этим сановником? Отметим, что фамилия «Голицын» не является чуждой для Тобольска, и в XVII веке люди, носящие эту фамилию, действительно занимали в нем пост воеводы. Но в период, непосредственно предшествовавший созданию «Робинзона», самым влиятельным человеком и в столице Сибири, и на всей территории восточнее Урала был еще один князь Г***, — сибирский губернатор Гагарин. Князь Матвей Гагарин, один из самых влиятельных вельмож России, в отличие от «полудержавного властелина» Меншикова, был достаточно образованным по тем временам человеком. После учреждения в 1708 году в стране восьми губерний он был назначен сибирским губернатором, однако в столице своей губернии Тобольске появился лишь в 1711 году. Судя по оценкам сибирских историков, он был инициативным и энергичным менеджером и многое сделал для развития края. Именно при нем началось активное каменное строительство (при том, что в стране действовал указ Петра о запрете строить дома из камня где-либо, кроме Москвы и Санкт-Петербурга), создание канала, соединившего Тобол и Иртыш (отметим, что еще тогда при строительстве канала активно использовался подневольный труд — в данном случае шведских пленных, сосланных в Тобольск), развивалась система образования. Обладая громадной, по сути, «проконсульской» властью, Гагарин, как впрочем, и большинство соратников Петра, был далеко не безгрешен и не забывал о собственном кармане. Став одним из богатейших людей России, он то ли из тщеславия, то ли по неосторожности не стеснялся выставлять свою роскошь напоказ: говорили, что у карет, на которых он ездил, колеса были окованы серебром, подковы у коней тоже были серебряные. Когда в Тобольске устраивались губернаторские балы, из окон его особняка слуги бросали простому народу горстями серебряные деньги «на драку». В 1714 году обер-фискал Нестеров обвинил губернатора в казнокрадстве, и против того было начато следствие. Вызванный в Санкт-Петербург Гагарин вернул в казну более 200 тысяч рублей и был оправдан следственной комиссией князя Долгорукова, однако в 1717 году против него было возбуждено новое дело. Все могло обойтись, что называется, «малой кровью», но обстоятельства сложились не в пользу князя. В январе 1719 года Гагарин был уволен с губернаторского поста и взят под караул, а в Сибирь был отправлен очередной дознаватель — майор Лихарев с поручением собрать сведения о злоупотреблениях князя. Гагарин повинился и написал Петру покаянное письмо: «Я, раб ваш, приношу вину свою пред вашим величеством, яко пред самим Богом, что правил Сибирскую губернию и делал многие дела просто, непорядочно и не приказным по-

ведением, також многие подносы и подарки в почесть и от дел принимал и раздачи иные чинил, что и не подлежало, и в том погрешил пред вашим величеством, и никакого ни в чем оправдания кроме виновности своей принести вашему величеству не могу, но со слезами прошу у вашего величества помилования для милости Всевышнего к вашему величеству: сотвори надо мною многобедным милосердие, чтоб я отпущен был в монастырь для пропитания, где б мог окончить живот свой, а за преступление мое на движимом и недвижимом моем имении да будет воля вашего величества». Но самодержец был неумолим. В марте 1721 год был произведен допрос с применением пытки; Гагарин был приговорен к смертной казни и через несколько дней повешен, а его имущество изъято в казну. Мстительный и жестокий Петр не мог отказать себе в удовольствии не только лично присутствовать на казни, но и вменить это в обязанность ближайшим родственникам казненного. Сын Гагарина, женатый на дочери вице-канцлера Шафирова, был «изобличен в лихоимстве» и разжалован в простые матросы.

Не подлежит сомнению, что Гагарин был казнокрадом, но этим грешило и большинство других сподвижников Петра, в их числе царский любимец Алексашка Меншиков. Один из главных виновников падения Гагарина обер-фискал Нестеров сам вскоре оказался под следствием и был подвергнут пытке за то, что «учрежден он был оным чином для смотрения и искоренения за другими всяких неправд», но, «забыв свою должность (а точнее, используя свое положение), сам чинил многие неправды и брал взятки с подчиненных и лиц, добивающихся его заступничества». Как и Гагарин, обер-фискал был приговорен к смерти. Впрочем, Петр не уничтожил самой должности и, подобно древнегреческому мудрецу Диогену, который ходил днем по улицам города с фонарем, продолжил «поиски человека». В январе 1723 года в протоколах Сената можно было прочесть: «Понеже бывший обер-фискал Нестеров явился ныне во многих преступлениях, того ради его императорское величество указал искать в генерал-фискалы и обер-фискалы добрых людей и для того объявить всем коллегиям, ежели кто знает к оному делу достойных кого, и таковых дабы писал в кандидаты, и имена прислать на генеральный двор». Современники Петра рассказывали следующий случай: император, слушая в Сенате дела о казнокрадстве, сильно рассердился и сказал генерал-прокурору Ягужинскому: «Напиши именной указ, что если кто и настолько украдет, что можно купить веревку, то будет повешен». — «Государь, — отвечал Ягужинский, — неужели вы хотите остаться императором один, без служителей и подданных? Мы все воруюем, с тем только различием, что один больше и приметнее, чем другой»¹⁶. Петр рассмеялся, ничего не сказав на это. Самодержец рассчитывал, что суровая расправа над князем послужит предупреждением всем казнокрадам Российской империи. Еще в допетровской Руси, как об этом писал соотечественник Робинзона путешественник Флетчер, было принято «показывать иногда публичный пример строгости над должностными лицами (грабившими народ), если кто из них особенно делается известным с худой стороны, дабы могли думать, что царь негодует на притеснения, делаемые народу, и таким образом сваливать, всю вину на дурные свойства его чиновников»¹⁷. Если угроза и подействовала, то ненадолго и далеко не на всех.

Во многом судьба Гагарина напоминает судьбу князя*** из романа Дефо: он, в отличие от Голицына, был важным сановником при дворе Петра, не говоря уже о том,

¹⁶ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Глава третья. Окончание царствования императора Петра Великого.

¹⁷ Д. Флетчер. О государстве Русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским), с описанием нравов и обычаев жителей этой страны. Лондон, 1591.

что действительно жил в Тобольске, сначала в качестве губернатора, а после того, как против него было начато следствие, — де-факто на положении ссыльного.

Можно вспомнить, что в соответствии с хронологией действий романа Крузо был в Тобольске в начале XVIII века, за полтора десятка лет до опалы Гагарина, однако историческая точность не была сильной стороной Дефо. Так, в первой части романа герой вспоминает беседу с отцом, в которой речь идет о старшем брате Крузо, убитом в бою с испанцами под Дюнкерком. Между тем упомянутая битва произошла в 1658 году, когда Робинзон жил в Бразилии, и, стало быть, никак не могла быть предметом беседы, произошедшей за несколько лет до этого. Но скорее всего, писатель в целях осуществления своих замыслов сознательно переместил героя на полтора десятилетия в будущее Тобольска или, скорее всего, отправил в прошлое опального Гагарина.

«Дальнейшие приключения» были написаны Дефо в 1719 году, и информация об опале князя или, во всяком случае, следствии по его делу вполне могла достигнуть Англии. Известно, что автор Робинзона живо интересовался тем, что происходило в далекой Московии: в 1715 году он выпустил «Историю войн Карла XII, короля Швеции», в которой рассказывал о Северной войне, а уже после выхода Робинзона — «Беспристрастную историю жизни и деятельности Петра Алексеевича, нынешнего царя Московии, от его рождения до настоящего времени». В одной из заметок в своей газете он, в частности, писал о том, что Петр приказал арестовать архангельского воеводу за коррупцию, сопроводив эту новость ироническим комментарием, что если так пойдет и дальше, то Петр рискует лишиться всего чиновничьего корпуса.

Возможно, причиной жестокости царя было не только казнокрадство, — некоторые историки предполагают, что Петр ставил князю в вину неудачу военной экспедиции на поиски месторождений золота в Средней Азии, на которую он возлагал большие надежды. Есть и еще одна гипотеза. Поговаривали, что негодование царя вызвали слухи о том, что Гагарин при содействии шведских пленных хотел отделить Сибирь от России и создать там самостоятельное государство. Об этом, в частности, писал в своих мемуарах пленный шведский капитан Страленберг, живший долгое время в Сибири: «Он хотел превратить Сибирь в собственное королевство, войско набирал». Как утверждал капитан, для осуществления своего замысла он хотел использовать шведских пленных. Какой бы фантастичной ни выглядит эта гипотеза, она получила определенное хождение среди историков. Вот как писал об этом деле известный историк Сибири П. А. Словцов: «Его Величество приказал по городам Сибирской губернии объявлять письменно или словесно, что Гагарин недобрый человек и уже не бывать ему губернатором. Тогда развязались в Сибири языки у злословия, у злобы, неблагодарности, и едва ли у людей честных. Иной утверждал, что песочное золото была ложь, другой — что Гагарин злоумышлял отделиться от России, потому, верно, что им двдворены в Тобольске вызванные оружейники, и началось делание пороха, третий говорил о растрате государевой казны на веселости, и всякий по своему топтал длинную тень человека, далеко сидевшего при закате солнечном. Те, которые унижались из подлости, выпрямляются с дерзостью, так, как бы низость обнадеживалась стоячею постановкою с падением лица высокого. Это не веселит наблюдателя, но так водится»¹⁸. Как мы видим, сам историк относился к таким слухам с достаточной долей иронии.

Филипп Иоганн Таберт (позднее получивший дворянский титул и фамилию Страленберг), шведский офицер, был взят в плен русскими после Полтавы и отправлен в Сибирь. Здесь он, среди прочего, занимался исследованием и описанием Сибири

¹⁸ П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири. М., 1838.

и даже составил ее карту с комментариями. Гагарин, узнав об этой карте, заставил Страленберга продать ее и, по некоторым сведениям, сам послал карту царю); впрочем, предусмотрительный швед предварительно сделал точную копию карты. Вернувшись на родину после заключения Ништадтского мира, он продолжил свою работу и в 1725 году опубликовал книгу о России, переведенную впоследствии на несколько европейских языков. Какие же доводы приводил ученый швед в подтверждение своей версии? Его неприязнь к Гагарину очевидна, хотя он и признает, что тот хорошо относился к пленным. Страленберг с усердием коллекционирует все слухи, которые показывают губернатора в неприглядном свете. По его словам, за период правления князя «Сибирской губернии, в которую определен был генералом губернатором князь Гогарин, неописанные убытки причинены», а до того, когда он воеводствовал в Иркутской провинции, «к собиранию денег нарочитый имел случаи. [И хотя] за непотребные свои поступки при отправлении сего воеводства осужден был на смерть, откупился же от того многими денгами». Но по-настоящему сибирский набоб развернулся на новом месте и «в 1715 году... начал было в губернии своей новыя чинить вымыслы. А именно: ежели б умышленныя против государя на Москве предприятия в действо произведены быть могли, то намерен он был сию губернию учинить особливим царством, ибо имея оную в своей аренде, собрал великое число богатства и денег и следовательно, из того знатными подарками сенаторов мог в дружество свое привести, чрез что наибольшее в губернии усилование получил. И тако начал в военные и гражданския службы определять свойственников своих и приятелей, которыя ни в каких его народных отягосчениях не могли препятствовать». Заметим, что стремление определять на «теплые места» свойственников и приятелей было явлением настолько распространенным, что если считать его признаком заговора, то к числу заговорщиков можно было практически поголовно отнести всю касту российских чиновников («как станешь представлять к крестикшу или местечку, ну как не порадеть родному человечку?»). Как пишет Страленберг, не забывал князь и о «паблик рилейшн»: «подлому народу в разных местах раздавал денги и обесчалься им чинить в других случаях вспомоении, по которым опытам многия про него говаривали, что он был снисходительной, милосердой и обсчаго благополучия желающий человек. И когда он в губернии своей долженствовал набирать рекрутов, тогда с пограничных российских правинцей, яко Пермской, Вятской и Печерской имал вдвое, другия ж города внутри Сибирской области обходил, но денги за то брать не оставливал». Князя беспокоило (и, как оказалось, не зря), что о его самовольстве и злоупотреблениях узнают в столице. Поэтому «Гогарин учредил способы, которыми б все словесная и писменныя из Сибири ведомости удерживать, а именно: на всех дорогах между России и Сибири учредил заставы и ездить по оным [кроме] Верхотурской дороги, под лишением живота запретил. А над Верхотурской дорогою надзиранье поручил некоему ближнему своему свойственнику Трахониотову, которой весьма наблюдал, чтоб никто, не имея пашпорту за рукою губернатора, и с писмами к знатным особам не проезжал. Ежели же б за кем из российских хотя б мало что о сем примечено и ему донесено было, таковых засылав в далечайшия провинции, о которых после, куда они поделись, и слуху получить невозможно было». Предприняв необходимые меры предосторожности, губернатор «начал размышлять, каким бы образом сибирских военных людей в лучшее состояние привести. И того ради первее многих молодых людей из граждан определил в сыны боярския... из ландского драгунского полку учинил он два полка на том же окладе, на котором прежде один содержался, сказуя, что на то имеет указ. Пехотное же войско всегда мог он под предлогом рекруцкого набора без затруднения собрать, а в офицеры в случае употребить из шведских пленников. Но токмо не было

способу к получению довольно чина ружей и пороху; пушек же и принадлежасчих к ним ядер довольно было на сибирских железных заводах, но понеже оных без позволения сенатского получить ему было невозможно, и к требованию оных нужного резону не было, ибо вся соседняя сторона была тогда мирна в спокойна, то напоследок умыслил он следующее». Умыслил же коварный вельможа поход в Бухарию за золотым песком. И тотчас же отправился с этой идеей в Петербург к царю, где «донес о том государю представлением, что оное песчаное золото можно ближе доставать. Притом же доносил, хотя к тому месту приттить и не неспособно, однако от калмык в том иногда будет не без сопротивления. И для того требовал от его величества ружья и амуниции тысяч на десять человек. К тому ж несколько оружейных и пороховых мастеров, протчее же обнадежил сыскать все в Сибири». Однако Петр, хотя и крайне нуждался в золоте, «на обман сего лукавца положится не изволил» и поручил возглавить экспедицию не самому Гагарину или кому-то из его людей, а полковнику Бухгольцу, «которого Гогарин долженствовал из губернии своей всеми для сей экспедиции потребностями снабдет». Почему-то падение Гагарина шведский пленник связывает именно с этим походом, после которого «интриги Гогарина не токмо открыватся начала, но и достойное в наказание по седмикратном розыске получил, а имянно, повешен. Что же Сибирская губерния во время аренды его претерпела и какие были во оной раззорении, о том весь свет свидетельствует»¹⁹. Версию Страленберга поддержал историк и государственный деятель В. Н. Татищев, который писал, что «при самовластом, но молодом и от правления внутреннего удалившемся монархе великую власть имеющие Мазепа действительно, а Гагарин намерением подданства отложиться дерзнули». Но едва ли его можно признать человеком объективным. Татищев, судя по всему, был в хороших отношениях со шведом, общался с ним в бытность его в Сибири, а потом и в Швеции; он-то и перевел книгу Страленберга на русский. Аргументы «варяжского гостя» выглядят не слишком убедительно. Коррупция, хотя и является пороком и даже государственным преступлением, все-таки не тождественна измене. Не очень понятно, какую роль в предполагаемом отделении играл проект с «песочным золотом» — то ли для того, чтобы добыть средства на строительство «Сибирского царства», то ли для получения новых военных сил и снаряжения. От разведки ископаемых, до их добычи и продажи долгий путь, да и логично предположить, что залежи золота, будь оно найдено, контролировались бы агентами Петра. Что касается войск, то главным для заговора было не само их наличие, а способность Гагарина управлять ими. Логично предположить, что князю было бы проще полагаться на личную преданность подчиненных ему воинских частей, а не на офицеров и солдат, прибывших из других регионов.

Присутствие в Тобольске шведских пленных, которых Гагарин якобы пытался использовать в качестве собственной «пятой колонны», не является вымыслом. До 1711 года их высылали в Сибирь лишь в редких случаях, однако после событий, произошедших в Свияжске и Казани, где группа шведских военнопленных составила план заговора с целью побега в Польшу (по другим источникам — в Крым), ситуация изменилась. План был раскрыт, и многие пленные, в том числе не имевшие отношения к заговору, были отправлены в Сибирь. Возможно, власти просто использовали подвернувшийся повод для того, чтобы убрать подальше от боевых действий шведскую «пятую колонну».

Известно, что Гагарин благожелательно относился к пленным шведам, много общался с ними и оказывал им всяческое покровительство (в ведомости Тобольской

¹⁹ Ф.-И. Страленберг. Северная и восточная часть Европы и Азии. Глава 6. О государствовании императора Петра Первого.

канцелярии указывалось, что шведских арестантов, присланных в Тобольск из других городов, числилось 1954 человека)²⁰. Благодаря этому пленники пользовались определенной свободой передвижения, а некоторым даже предоставлялась возможность поездки в Москву и Петербург. Из пленных шведов была сформирована своего рода «придворная гвардия» губернатора — тобольский драгунский эскадрон. Основной причиной, по которой пленные вступали туда, были, конечно, материальные соображения, при этом иноземцы, принимаемые в эскадрон, получали повышение в звании. Так, капитан Брикхаузен был определен в майоры, а капитан эскадрона Йохан Ланг до своего пленения был всего лишь корнетом²¹. Впрочем, эскадрон этот занимался не только охраной персоны губернатора, но и более серьезными делами: участвовал в отражении набегов кочевников, строительстве пограничных крепостей и в упомянутой ранее экспедиции Бухгольца по поиску «песошного золота». Кроме военной службы и подневольного труда, Гагарин привлекал пленных к социальной жизни региона: в частности, усилиями шведов в Тобольске была открыта школа, в которой обучались наряду с детьми пленных и русские дети. Любовь Гагарина к иноземцам, возможно, была не совсем бескорыстна. На содержание пленных выделялись немаленькие деньги, и часть из них, нет оснований сомневаться, оставалась в карманах губернатора (одним из пунктов обвинения, предъявленного князю, была растрата казенных денег на пленных шведов). Но объяснять его отношение к ним исключительно корыстью было бы несправедливо: Гагарин зачастую одной рукой присваивал, а другой раздавал деньги нуждающимся пленникам (посетивший Тобольск горный инженер Блюгер писал, что Гагарин за годы своего правления раздал пленным шведам свыше 15 тысяч рублей). Скорее всего, князь действительно хотел использовать шведов для блага развития края и как человек либеральных взглядов испытывал к людям, выросшим в условиях европейской культуры, безотчетное уважение. Может быть, какими-то своими разговорами Гагарин и давал повод для обвинений в сепаратизме. Но едва ли это было чем-то большим, чем пьяная болтовня и пустая бравада впавшего в манию величия «сибирского проконсула», а «нордически выдержанный» Страленберг просто не сумел или не захотел понять широту русской души. Если такие намерения и были реальностью, то остается непонятным, почему князь, против которого было возбуждено уголовное дело, так и не предпринял сразу же после этого попытку отделиться от России? Будучи сибирским губернатором, он все еще обладал определенными ресурсами, к тому же, прекрасно зная суровый характер Петра, не мог не понимать, что на кон поставлены не только его доходы, но и сама жизнь.

Очевидно, что «сепаратизм» Гагарина — очередной исторический миф. Тюменская нефть тогда еще не была открыта, не говоря уже о том, что в доиндустриальную эпоху этот ныне сверхдефицитный товар не пользовался спросом на мировом рынке. Без поддержки метрополии ханство «нового Кучума» не смогло бы выжить в чуждом и, в сущности, враждебном окружении. Шведский эскадрон далеко не был «чехословацким корпусом» и насчитывал, по-видимому, не более 300 человек; даже при поддержке других шведских пленных едва ли ему удалось бы установить контроль над Тобольском, в котором находились русские войска. Всем была памятна история Мазепы, переметнувшегося на сторону шведов, и то, чем она закончилась (князь, тогда еще не опальный, а близкий к царю вельможа, московский комендант и судья сибирских провинций, еще не так давно, в 1708 году, присутствовал на церковном прокля-

²⁰ Г. В. Шебалдина. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века. М.: РГГУ, 2005. С. 103.

²¹ Там же. С. 140.

тии гетмана в Москве). Может быть, слухи об измене Гагарина — не более чем «сибирский ремейк» украинских событий? Скорее всего, сама история получила распространение уже после того, как Гагарин впал в немилость и был отправлен в отставку, и явилась не причиной падения вельможи, а, скорее, одним из его следствий.

В чем можно упрекнуть губернатора, это скорее не сепаратизм, а «регионализм», попытка расширить границы своей губернии в Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Но действия эти, поскольку они находились в русле государственных интересов страны, скорее можно поставить ему в заслугу, а не в укор.

Вернемся к нашей истории. Формальным поводом для общения Гагарина с героем Дефо могли стать прозаические торговые материи. Купец Робинзон возвращался из Китая с грузом товаров, а русско-китайская торговля и отношения с Поднебесной непосредственно входили в сферу полномочий сибирского губернатора. Впрочем, свои полномочия князь понимал достаточно своеобразно. В ходе следствия один из свидетелей, Евреинов, показал: «Сибирский губернатор князь Гагарин в Китайское государство купчин избирает по своему нраву, которые к тому делу доступают великими дачами и во всем с ним общее согласие имеют и более угождают ему, нежели усердствуют о пополнении казны и о государственной пользе. В караване, которого ждут теперь из Китая, товаров Гусятникова на 40 000 рублей да у целовальников пошло товаров тысяч на сорок же». Выяснилось, что помимо прочего Гагарин «взял у купчины Карамышева казенные товары и заплатил за них казенными же деньгами, причем переводных писем в Сибирском приказе записывать не велел; взял у князя Якова Долгорукого в китайский торг товары без оценки и, не дождавшись купчины с караваном, велел выдать деньги вдвое; удержал три алмазных перстня и алмаз в гнезде, купленный на деньги, взятые в китайский торг из комнаты царицы Екатерины Алексеевны; взял себе товары из караванов купчины Худякова и, приняв у купчины книги этих караванов, сжег»²².

Точная дата рождения Матвея Гагарина неизвестна, но обычно называют 1658-й или 1659-й; стало быть, на момент встречи с Робинзоном ему было уже под 60, и по стандартам той эпохи он был немолодым человеком. Князь, как мы уже писали, был «западником» и едва ли мог отказать себе в удовольствии побеседовать с заезжим «аглицким гостем». Скорее всего, по замыслу Дефо Крузо появился в Тобольске уже после того, как над Гагариным стустились тучи, но по инерции он еще сохранял прежнюю должность и привилегии. Гонения и обиды делают людей разговорчивыми, и в такой ситуации едва ли можно было найти лучшего собеседника, чем человек ниоткуда, иностранец, которого все интересовало в чужой для него стране, и который был готов поделиться с гостеприимным хозяином своим немалым жизненным опытом. Что могло быть предметом бесед Робинзона и Гагарина? Наверное, практически все: личность царя и царский двор, дела гражданские и военные, русские нравы и обычаи, политика и торговля, религия и климат. Разумеется, Робинзон не забывал о своем задании. Наверное, они обсуждали опалу Гагарина и то, что может ожидать его в будущем. Может быть, поднимался и пресловутый вопрос о «сибирском сепаратизме» и перспективах создания отдельного «сибирского царства». Эта идея не могла не интересовать Робинзона, потому что как нельзя лучше способствовала осуществлению главной задачи британской дипломатии — ослаблению державы Петра. Но князь, прекрасно знавший свой край, понимал, что это не более чем утопия: Сибирь в то время была слабо заселена, и русское население, на которое он мог опереться, представляло узкую прослойку, окруженную недружественными или враждебными народами, и попытка «опоры

²² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Глава третья. Продолжение царствования Петра I Алексеевича.

на собственные силы», сохранения «статус-кво» без поддержки метрополии привела бы к неминуемому краху. Британия была далеко, а шведы, потерпевшие поражение под Полтавой, вели тяжелые бои на всех фронтах и едва ли могли помочь неожиданному союзнику, несмотря на все желание. Была еще, конечно, Поднебесная, с мандаринами которой Гагарин имел контакты еще в бытность свою нерчинским воеводой в 90-х годах. Правительство богдыхана благожелательно относилось к сибирскому губернатору и, узнав о его несчастье и о том, что одной из причин гнева царя была медленность отправления почты в Китай (ох уж эта почта России!), направило Петру письмо в защиту сановника: «Понеже сие все старое из подлого и купеческого народа ради прибыли своей чинено, того ради мы такие дела ни во что почитаем; Гагарин же чрез многие минувшие годы никакого озлобления или затруднения около наших рубежей не чинил, и письма с обеих сторон никогда удерживаемы им не были». Но и сами китайцы едва ли были способны на что-то большее, чем вялотекущие дебаты о спорных пограничных участках вдоль Амура. Робинзон с грустью должен был признать, что Российская империя медленно, но неуклонно расширяла свои владения и укрепляла власть на востоке страны. Ставка Карла XII на украинскую самостийность не сработала, а сибирская карта была бита еще до того, как ее выложили на зеленое сукно. Конечно, он получил от князя множество бесценных сведений (при желании даже мог снять у него копию карты Сибири, которую делал Страленберг) и мог вербовать агентов среди живущих в Сибири иностранцев и местного населения, но в итоге окончательно убедился, что не в его силах сколько-нибудь существенно ослабить могущество империи. Не могли не заинтересовать Робинзона и планы России в Средней Азии. Было известно, что Петра чрезвычайно заинтересовали полученные им сведения о золотых залежах в бассейне Амударьи. Экспедиция Бухгольца закончилась неудачей, что и стало одной из причин гнева царя, но уже в 1716 году из Астрахани был отправлен новый отряд под командованием князя Бековича-Черкасского. В наказе Петра князю предписывалось, помимо поисков золота, склонять бухарского и хивинского ханов к российскому подданству и, в случае если хивинский хан проявит дружелюбие, «просить у него судов и на них отпустить купчину (царского офицера, посланного под видом купца) по Аму-Дарье реке в Индию, наказав, чтоб изъехал ее, пока суда могут идти, и потом продолжал бы путь в Индию, примечая реки и озера и описывая водяной и сухой путь, особенно водяной, и возвратиться из Индии тем же путем; если же в Индии услышит о лучшем пути к Каспийскому морю, то возвратиться тем путем и описать его»²³. Впрочем, пока Британия могла не беспокоиться о том, что русские утвердятся в ханствах и в качестве следующего шага будут искать пути, чтобы «омыть сапоги в водах Индийского океана»: в 1717 году хивинцы заманили отряд Бековича в ловушку и практически целиком его уничтожили. Движение России на юго-восток было приостановлено практически на полтора столетия.

Предложение князю бежать вместе с ним в Европу, сделанное Робинзоном, едва ли было практически осуществимо, учитывая известность князя, его высокое положение и слежку, которая за ним велась. К тому же Гагарин, хотя и находился в опале, все еще сохранял надежду на то, что царь прислушается к его высокопоставленным заступникам и сменит гнев на милость (о чем таинственный князь сам рассказал Робинзону: «Неужели вы приняли за чистую монету мои заявления о презрении к миру?.. Поверили, что я не пожелаю вернуться, если меня призовут занять прежнее положение при дворе, если я вновь буду в милости у моего повелителя царя?»). И в самом деле, первоначально он был оправдан и отделался лишь крупным штрафом. Но колеса бюро-

²³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Том 17. Глава первая. Царствование императора Петра Великого.

кратической машины неотвратно набирали обороты, и, перефразируя слова поэта, пусть распорядок действий и не был еще продуман в деталях, конец пути был уже близок и неотвратим.

У Гагарина были две дочери и сын, женатый на дочери вице-канцлера Шафирова. Описанное в романе бегство сына князя, произошедшее при прямом участии Робинзона, едва ли основано на каких-либо реальных событиях; впрочем, и тут можно представить альтернативный сценарий произошедшего. Мы уже упоминали, что в период обострения англо-русских отношений царь в ответ на британские санкции запретил выезд из России английским купцам. Может быть, Робинзон в соответствии с полученным заданием спас из русского плена не сына князя, а своего соотечественника, английского купца, а возможно, и коллегу по шпионской работе («молодого вельможу я выдавал за своего управляющего», — пишет Робинзон)?

Стоит упомянуть, что на пути в Архангельск Робинзон подвергся нападению. Один из спутников англичанина, которого он называет «сибиряком», хорошо знал местность и вел караван окольными дорогами «в обход главнейших городов и селений на большом тракте», чтобы избежать встречи с представителями московских властей, которые наверняка искали беглеца. Казалось бы, «дело житейское» — для тех, кто путешествует по диким тропам, риск нарваться на «лихих людишек», живущих грабежом заезжих торговцев, достаточно велик. Координаты места, где произошло нападение, определить трудно, поскольку некоторые названия населенных пунктов, упоминаемые Дефо, не поддаются идентификации, однако, судя по всему, это произошло где-то на границе нынешнего Пермского края и Республики Коми. Робинзону и его людям с большим трудом удалось отбить нападение разбойников, которых они сочли калмыками или татарами. Но были ли они действительно таковыми? Как пишет герой Дефо, «мы не могли понять, откуда они и каким образом им удалось забраться так далеко на север». Вполне возможно, что татары (или мнимые татары, «ряженные») действовали не по своей воле, а по заданию российских спецслужб, которые вычислили британского агента и направление маршрута, которым он двигался, и решили скрытным образом, не привлекая лишнего внимания, вывести его из игры.

В ожидании корабля Крузо и его спутники прожили в Архангельске шесть недель. И, как отмечает путешественник, «прождали бы и больше, если бы нас не выручил гамбургский корабль, пришедший месяцем раньше, чем сюда приходят обыкновенно английские корабли». Робинзон пробыл в России долгие месяцы, и этого времени даже в ту неторопливую эпоху было вполне достаточно для того, чтобы коллеги, отбывшие вместе с караваном, могли предупредить центр о его планах. Корабль, пришедший раньше срока, наверняка являлся британским, а его гамбургская приписка была не более чем маскировкой.

Была ли успешной тайная миссия Робинзона, если предположить, что она действительно существовала? И да, и нет. Сколько-нибудь масштабных действий, направленных на подрыв могущества соперника Британии, мнимому путешественнику осуществиться так и не удалось. Тем не менее он сумел собрать массу сведений о России, наладить контакты с важными людьми, создать обширную шпионскую сеть и даже провести несколько активных мероприятий (организация беспорядков на окраине страны, вывоз пленного соотечественника или ценного агента). А значит, разведчик Робинзон, созданный волшебным пером литератора и секретного агента Даниэля Дефо, «шпион, пришедший с холода» (используя фразу, послужившую названием знаменитого шпионского романа Джона ле Карре), в целом успешно справился с поставленными перед ним задачами и на море, и на суше и смело мог отправляться в обратный путь на родину через крупнейший тогда российский порт Архангельск.

Роман (а точнее, романы) о Робинзоне Крузо таят в себе множество тайн, которые и по сей день не дают покоя пытливым умам исследователей. Что же за произведение создал великий мистификатор и враль де Фо (которого один из его биографов назвал «величайшим лжецом в истории») — приключенческую книгу для подростков, политический памфлет, «педагогическую поэму» (на примере которой Жан Жак Руссо предлагал обучать детей), религиозное сочинение, экзистенциальный или экономический трактат (на рассуждения Крузо о подлинных и мнимых ценностях ссылались Давид Рикардо, Карл Маркс и Бем-Баверк), очередное утопическое сочинение, прикладное пособие о том, как выжить в экстремальных условиях, или, быть может, постмодернистский или даже интерактивный текст?

Почти наверняка загадка так и останется загадкой, как это происходило почти во всех случаях, когда речь идет о «великом и ужасном» Даниэле Дефо. Автор предложил всего лишь собственную трактовку «необыкновенных и удивительных приключений» Крузо в России, основанную на сохранившейся информации о секретной службе автора Робинзона.

И если (наполовину в шутку, наполовину всерьез) принять на веру версию о том, что странное путешествие героя Дефо на Восток и в Московию было не чем иным, как аллегорическим, иносказательным отображением (вспомним слова Робинзона-Дефо о романе как аллегории его жизни) тайной миссии британской разведки, то Робинзона Крузо можно назвать наряду с Джеймсом Бондом одним из величайших шпионских образов британской, а возможно, и всей европейской литературы.